

Красные каналы Черноземья Кубани¹

Рецензия на книгу: Timm Schönfelder, *Roter Fluss auf Schwarzer Erde. Der Kuban und der agromeliorative Komplex. Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte 1929–1991. (Geschichte der technischen Kultur, Bd. 14), Brill Schöningh: Paderborn, 2022, XI + 324 s.*

Ш. Мерль

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета (Германия). Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-159-165

Более ста лет назад в Петербурге вышел в свет роман-утопия Александра Богданова о жизни на Марсе. В книге автор упоминает марсианские каналы, которые он считал мелиоративной системой на этой планете. Герои романа рассуждают о важности орошения для экономики сельского хозяйства в тех регионах, где плодородные почвы страдают от засухи.

В исследованиях на темы мелиорации, издававшихся ранее, авторы, как правило, фокусировали свое внимание на странах Центральной Азии и подчеркивали влияние царской России на реализованные ирригационные проекты в этом регионе².

Работа Тимма Шёнфельдера возникла как результат научной работы в рамках нового направления исследований Тюбингского университета «Системы в состоянии угрозы»³, и если судить по ее названию, она должна заполнить имеющиеся пробелы и пролить свет на мелиорацию, которая проводилась в Предкавказье после смерти Сталина, когда уже были известны возможные риски (засоление почвы, эрозия и избыточное увлажнение) и меры по их предотвращению (S. 61). Как известно, пагубные последствия предотвратить не удалось. Нарастающая критика гидромелиоративных проектов привела к прекращению работ в конце 1980-х годов.

1. Перевод с немецкого Л. А. Овчинцевой
2. *Teichmann C.* (2016). *Macht der Unordnung: Stalins Herrschaft in Zentralasien.* Hamburg; *Obertreis J.* (2017). *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991.* Göttingen.
3. <https://bedrohte-ordnungen.de/>

Те, кто ждет от этой книги конкретного исследования в региональном разрезе, основанного на подробном описании того, почему пренебрегали дренажом и не использовали воду экономно, будут разочарованы. Шёнфельдер отказывается от погружения в специфику региона и рассматривает мелиоративные проекты в целом. Выводы в заключении основаны исключительно на концепциях, представленных во вступительной главе, и не отражают интересных результатов, которые можно было бы найти, ознакомившись с содержанием глав с 3 по 6. Это позволяет выявить два существенных недостатка работы: отсутствие рефлексии о методологии исследования (а именно: как вообще получить достоверные сведения из советских архивных материалов) и подход, который не позволил автору выйти за рамки реферирования и перейти к самостоятельным оценкам.

Шёнфельдер критикует своих предшественников за то, что они оценивали только «общедоступный материал» (S. 1). Заметим, что материалы, хранящиеся в архивах, написаны официальным языком и придерживаются существовавших на то время табу. У авторов этих материалов были свои интересы, и они не выходили за рамки системы. Приняв содержащиеся в них обвинения на веру, автор книги воспроизводит навязанную режимом интерпретацию событий и перекладывает ответственность за неудачи на низовые органы (в данном случае это Министерство водного хозяйства).

В предисловии к работе автор заявляет, что намерен внести эмпирически обоснованный вклад в более глубокое понимание советской сельскохозяйственной системы и раскрыть основные «особенности» культуры господства (S. X). В первой главе «Природа: Кубань в призме истории окружающей среды» (S. 1–32) он дает обзор исследований по теме и представляет концепции управления и организации мелиорации без какой-либо конкретной ссылки на Кубань. Во второй главе «Пространство: от болот до житниц, степей и оазисов» (S. 33–54) рассказывается об истории Кубани за последние два столетия. Этот раздел перегружен информацией, а также имеет резкие переходы во времени и в содержании. Только третья глава «Центральная власть: от мировой войны к управлению водными ресурсами» (S. 55–136) имеет более четкую структуру, удобную для читателя. В ней рассказывается о том, какое значение мелиорация приобрела после Второй мировой войны, после того как в предыдущий период главное внимание уделялось производству гидроэлектроэнергии. Институциональная консолидация управления водными ресурсами завершилась созданием в 1965 году при Леониде Брежневле отдельного министерства водного хозяйства. Глава 4 «Периферийная практика: мелиорация в Краснодаре и Ставрополе» (S. 137–188) раскрывает локальную составляющую. В отношении Краснодарского края речь шла в первую очередь о защите от наводнений. Что касается Ставрополя, то, напротив, на первое место выходило обеспечение водой. Также да-

ется обзор разногласий между партийными лидерами обоих регионов. Глава 5 «Знание: мелиорация между теорией и обещанием» (S. 189–215) посвящена использованию результатов почвоведения и научному обсуждению правильного подхода к орошению. В главе 6 «Антиутопия: реформы без сети и двойного дна» (S. 217–264) рассматриваются резолюции органов управления о предполагаемых изменениях 1980-х годов и растущая критика гидротехники без должного учета того факта, что большинство резолюций в то время уже не выполнялись. В главе 7 «О втором миллионе: итоги и перспективы» (S. 265–270) текст представлен в форме аподиктических утверждений в коротких предложениях, что вызывает даже некоторое раздражение.

Во вступлении Шёнфельдер обозначает, что он будет исследовать, но при этом не показывает, каким образом он будет это делать и не формулирует вопросы исследования. Какая же из представленных концепций подходит для анализа довольно печальной реальности советского общества после смерти Сталина? Автор упоминает, например, «гидравлическое общество» Карла Августа Витфогеля. Но «высокий модернизм» Джеймса Скотта, который стремится к полному контролю над природой, руководствуясь верой в научно-технический прогресс, больше соответствовал амбициям Сталина. Что касается тезиса Шёнфельдера о том, что инфраструктура была инструментом и источником власти, то он не находит подтверждения в последующем изложении материала. Автор говорит о каналах как о «длинных руках государства, которые тянутся к каждой деревне, чтобы сделать ее частью современного общества» (S. 26f.). Но затем в главах 3 и 4 он описывает советский государственный и системный провал, который достиг каждой деревни и помешал ей стать частью современного общества. И действительно ли после того, как Сталин установил эффективно действующий контроль над аграрным сектором, возникала необходимость в дополнительном контроле с помощью ирригационных каналов?

Шёнфельдер повторяет тезис о том, что основная вина за провал ирригационных работ лежит на гидротехниках с их «грандиозными обещаниями», и утверждает, что они намеренно предали советское общество. Ссылаясь на то, что «класс специалистов по гидротехнике использовал гидроинфраструктуру для эксплуатации населения и обеспечения собственной власти» (S. 11), он ссылается на работы Юлии Обертрайс⁴ и Клауса Гества⁵. Но действительно ли расширяющаяся площадь орошения была «золотой жилой» для мелиораторов? Тот факт, что Министерство водного хозяйства в 1985 году «финансировало 26 научно-технологических

4. *Obertreis J.* (2007). Infrastrukturen im Sozialismus // *Saeculum*. №1. S. 151–182.

5. *Gestwa K.* (2010). Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967. München.

и 68 проектных институтов и более 4000 строительных организаций и трестов на сумму 1,7 млн руб.», не доказывает того, что рабочие, инженеры и ученые все контролировали, хотя у них и был бюджет, сопоставимый с национальным здравоохранением (S. 13). Это обвинение неубедительно еще и потому, что со времен Брежнева огромные финансовые ресурсы тратились отнюдь не только на ирригационное строительство и все без заметного экономического эффекта. Таким же образом огромные средства в течение трех десятилетий направлялись на «комплексную механизацию сельскохозяйственного производства». И здесь тоже не удалось приблизиться к поставленной цели до конца существования Советского Союза. Таким образом, причины могут быть не только в гидротехнике, скорее, объяснение следует искать в слабостях экономического и политического режима. И, между прочим, для таких выводов в книге есть достаточно данных.

Шёнфельдер документально подтверждает, что ни современные дождевальные машины, ни строительные материалы, необходимые для дренажа, в Советском Союзе не производились (см. S. 127, 149, 156, 176, 191, 240, 258). Министр водного хозяйства Евгений Алексеевский выражал протест по поводу отсутствия необходимых ресурсов. В 1973 году он обратился к премьер-министру Алексею Косыгину с требованием перейти на капельное орошение, практикуемое на Западе: Советский Союз не мог импортировать необходимое высокоэффективное оборудование из-за его высокой стоимости (S. 116, см. также S. 92, 113f.). Сделанные по западным образцам поливальные машины были некачественными и не шли ни в какое сравнение с американскими оригиналами (S. 242). Известный экономист-аграрник Александр Никонов резюмировал, что ничто не было так характерно для периода застоя, как неудачная попытка ученых инициировать «зеленую революцию»: их предложения по ее реализации провалились из-за неспособности системы планирования обеспечить полный комплекс необходимых факторов производства. Чего-то всегда не хватало: удобрений, средств защиты растений или нужной техники (S. 107f.). Поэтому противоречие между почвоведом и гидротехниками, заявленное Шёнфельдером, не заслуживает доверия: годовые отчеты гидротехников показали, что они понимали опасность надвигающейся угрозы эрозии почвы и ее причины. Однако взгляды на проблему различались: специалисты-почвоведы считали мелиорацию необходимой, а инженеры-гидротехники «в один голос указывали на недопоставки со стороны других отраслей экономики, например, со стороны тяжелой промышленности, и на слабую централизованную координацию министерств» (S. 201). Материалы, представленные Шёнфельдером, доказывают, что они были правы!

Шёнфельдер утверждает, что «агромелиоративный комплекс» (АМК), представлявший собой соединение гидромелиоративной промышленности, науки и номенклатуры (S. 6 f), означает появ-

ление нового важного понятия. Это напрямую ведет к его основному заблуждению. Он предполагает, что АМК был чем-то похож на «военно-промышленный комплекс» (ВПК). При этом он не понимает сути механизмов функционирования советской системы. Термин «АМК» и общий термин — «агропромышленный комплекс» (АПК) сами по себе служили для обозначения того, чего Советский Союз никогда не воплотил до конца в жизнь: прямой связи сельскохозяйственного сектора с добывающей и перерабатывающей промышленностью на техническом уровне того времени. Как АМК, так и АПК были вынуждены использовать производимые советской промышленностью оборудование и материалы, которые никоим образом не соответствовали их требованиям. Жалобы на это, в том числе на имя генерального секретаря партии, остались без внимания. Но это не помешало режиму заклеить позором гидромелиораторов из-за того, что они не достигли обещанных грандиозных успехов. Если Шёнфельдера удивляет, что весьма резкая критика Министерства водного хозяйства и самого министра осталась без последствий (см., в частности, S. 99, 106, 110, 232), это показывает, насколько мало он понимает правила политической коммуникации советского режима. При этом совершенно очевидно, почему власти действовали таким образом: критикующие руководящие органы прекрасно осознавали свою собственную ответственность за эти недостатки. Именно государственная плановая комиссия не одобрила строительство современных заводов и не предоставила подходящих материалов. Шёнфельдер, напротив, утверждает: «Однако из тесной личной сети приспешников вырос гипертрофированный бюрократический аппарат, который опирался на самого себя» (S. 266). Хотя со времен Брежнева во все три «комплекса» было вложено много денег, между ними были огромные различия. Только ВПК имел до определенной степени влияние на центральные регулирующие органы. Кстати, после того, как в 2000-х годах сельскохозяйственные предприятия получили доступ к сельскохозяйственной технике западного производства и самостоятельно начали принимать решения об инвестициях, урожай российского сельского хозяйства стремительно возросли!

Шёнфельдер нигде не задается вопросом, были ли партийные решения вообще осуществимы, но вслед за партией и правительством повторяет тезисы, в которых ответственность за их ошибки, по сути, возлагалась на подчиненные органы. Например, «эксперты Совета Министров РСФСР» установили, что с начала 1970-х годов при строительстве крупномасштабных систем орошения сооружение дренажей отложили на потом, что в конце концов привело к их негодности. В этом, конечно же, были виноваты ученые, проектировщики, конструкторы и сотрудники министерств водного хозяйства СССР и РСФСР, которым было поручено принять проекты (S. 259). Утверждение о том, что плохое состояние орошаемых земель было результатом «серьезных просчетов Министерства

водного хозяйства и Госагропрома» (S. 260), является очевидным вздором. Исследователь должен был все это заметить еще и потому, что в то время Госагропром просуществовал всего несколько месяцев. Но он принимает за чистую монету речь партийного секретаря Краснодарского крайкома, в которой он обвиняет Министерство водного хозяйства в том, что не был произведен заявленный миллион тонн риса (S. 131).

Пренебрежительные замечания Шёнфельдера в адрес ученых, в частности почвоведов Виктора Ковды, которого он постоянно обвиняет в недобросовестных действиях (например, S. 193, 206), малополезны. Он утверждает, что многие «цинично вступили в сговор с режимом, разрушительный потенциал которого они знали слишком хорошо», при Брежневле они обеспечили себе славу, влияние, власть (S. 267). Ведь Ковда, пользовавшийся международной известностью и имеющий хорошие связи (S. 118, 195), организовал Всемирный конгресс почвоведов в Москве в 1974 году (S. 198–200).

Обоснованной является критика Шёнфельдером постоянного изменения институциональных условий. Отделение гидротехнических сооружений от Министерства сельского хозяйства было контрпродуктивным для сельскохозяйственного производства (S. 93–105). Режим считал, что все это просто вопрос правильной организации контроля, и якобы «решал» проблемы, создавая все новые и новые юрисдикции. Также автор прав в своих оценках негативных последствий проектов: они поглощали средства, которых не хватало в других местах, становились более дорогими и затягивались, а засоление, заболачивание и гибель рыбы наносили ущерб окружающей среде (S. 266). Но его утверждение: «чтобы скрыть ущерб, цифры были сфальсифицированы, а заключения экспертов приукрашены. Это была система, в которой “все держались друг за друга”, в которой личные блага были превыше выгод для отрасли и общества в целом» (S. 267) верно только на первый взгляд. У гидромелиораторов не было другого выбора, учитывая отсутствие поставок комплектующих. Они просто пытались сохранить лицо. В конечном итоге от всего этого выигрывало только партийное руководство: проекты по строительству гидротехнических сооружений служили ему в первую очередь для обоснования своей необходимости. Министерство водного хозяйства действовало в этом отношении исключительно как «поставщик услуг» с ограниченным влиянием и ни в коем случае не было главным злодеем, каким его изображает Шёнфельдер. Лидеры партии вплоть до Михаила Горбачева прямо-таки требовали все новых и новых грандиозных планов для дальнейшего запудривания мозгов населению, они усиленно трудились над выполнением своего обещания окончательно решить «аграрную проблему» (наладить продовольственное обеспечение).

Удивительно, но Шёнфельдер нигде не рассматривает возможности, которые могли бы быть реализованы в рамках проектов

по мелиорации, если бы их осуществили надлежащим образом. Он не делает различий между значимыми и бессмысленными проектами. Мелиорация была в принципе разумной и позитивной мерой, особенно в условиях Советского Союза. К сожалению, он не уделяет более пристального внимания тому, как именно осуществлялись мелиоративные проекты на сельскохозяйственных предприятиях и что в значительной степени способствовало их провалу. Предприятиям не только не хватало необходимой техники и оборудования, но и по меньшей мере не хватало квалифицированной рабочей силы для мелиоративных работ. Его утверждения в заключении, мягко говоря, преувеличены, по крайней мере, носят односторонний характер. В действительности Советский Союз не был ни «гидротехническим государством», ни «игровой площадкой мелиораторов» (S. 266). Из того, что Брежнев покровительствовал Медунову, а Андропов — Горбачеву, нельзя сделать вывод, что «канаты гидротехников связывают центр и периферию» (S. 266).

В главах с 3-й по 6-ю автор рассказывает о том, что он обнаружил в ходе своей в целом очень тщательной оценки литературы и архивных материалов. Любой, кто интересуется новыми знаниями о Советском Союзе в период после смерти Сталина, должен внимательно прочитать эти главы и составить собственное суждение. Однако чтобы сделать рецензируемую нами книгу достойным вниманием исследованием, автору не хватило методологического подхода и смелости для самостоятельных оценок.

Перевод Л. Овчинцева

Red channels of the Kuban Black-Earth Region

Review of the book: Schönfelder T., Fluss R., Erde S. Der Kuban und der agromeliorative Komplex. Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte 1929–1991. (Geschichte der technischen Kultur, Bd. 14), Brill Schöningh: Paderborn, 2022, XI + 324 s.

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de